

22

С
Ю
Р
Р
Е
А
Л
И
З
М

В
И
Н
О

Д
И
Ж
И
Т
А
Л
-
Л
Ю
Б
О
В
Ь

РОМАН РАССКАЗОВ

Роман Рассказов

**22. Дижитал-любовь,
вино и сюрреализм**

«Издательские решения»

Рассказов Р.

22. Диджитал-любовь, вино и сюрреализм / Р. Рассказов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853089-0

«22» — это роман рассказов. Новый жанр, родившийся вместе с поколением Z. Здесь герои вольно гуляют по сюжетам диджитал-любви, вина и сюрреализма. Каждый рассказ самобытен и в то же время — завиток в общем рисунке книги. Злободневно, смело, глубоко и символично.

ISBN 978-5-44-853089-0

© Рассказов Р.
© Издательские решения

Содержание

Письмо суррогатика к читателям	6
предисловие	7
возвращение минервы	8
контр-адмирал	13
лесной рыцарь	19
осетр для деда толи	24
тиндерляндия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

22

Дижитал-любовь, вино и сюрреализм

Роман Рассказов

© Роман Рассказов, 2017

ISBN 978-5-4485-3089-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Леониду, Ольге и Виктору, Анатолию и Зое

Письмо суррогатика к читателям

6 сентября 2016 года Bank of America Merrill Lynch (BAML) разослал своим клиентам письмо, в котором говорится, что с вероятностью от 20% до 50% мы живем в матрице. Не завидовать, я не клиент банка. Подцепила статью «в Интернетах ваших», как сейчас модно говорить.

Перепрыгивая через громкие имена ученых и логические выкладки, цитирую иностранный источник: «Либо мы находимся в матрице, либо нет. И если мы в ней не находимся, то вряд ли мы ее создадим, потому что если бы матрица была возможна, ее так или иначе создали бы. И мы находились бы в ней».

Сижу и ломаю голову, как из письма банка родить свое письмо к читателям. Замечу – свое третье письмо. Первые два были мертворожденными. Мысль накатывается волнами и разбивается о клавиатуру, превращаясь в пошлую пену ритуальных букв: опередили, а я всегда считала, что мой мир реален с такой же вероятностью, как и ирреален, если он не реален, я об этом никогда не узнаю, я – суррогат себя, я – суррогат суррогата себя. И даже если мир реален, это не отменяет того, что я – не суррогат себя.

В антикризисном пиаре (я в прошлом пиарщица, кстати) есть такое правило: прокомментировать, что происходит. Например, мы сейчас находимся у сгоревшего здания спортклуба в Ясенево. Причины выясняются, мы будем держать вас в курсе. Про клуб я подцепила в ленте «Фейсбука». Картинка горящего здания и подпись, мол, всегда сюда ходим, а тут тако-о-о-е (удивляющиеся смайлики) и даже пожарная часть, которая находится напротив, не спасла. Я тоже чувствую, что горю в огне кризиса. Может, моя суррогатная шкурка расплавится? Я, как и все фейсбукеры и инстаграмеры, хаваю воздух, перевариваю и извергаю пену ритуальных букв. Я не знаю почему, но мне кажется, слова меня хоронят.

Раньше изгоняли дьявола, жгли ведьм. Будут ли изводить суррогатиков? Кстати, знаете, почему их жгли? На этот вопрос ответит юнгианец (и это тоже часть меня, некогда училась юнгианскому подходу в психотерапии). Звучит музыка из известной передачи: ra-ta-ta-ta-ta-ta-ta ra-ta-ta. Внимание, ответ. Напомню, что на кону автомобиль. Священнослужители спроецировали свою теневую сторону на женщин – умных, эффектных, одаренных, сильных. Сражаясь с таковыми, они уничтожали демоническое в себе. Нечто подобное было в первой половине 20 века в Германии с евреями. Запад не сумел интегрировать свою тень. А я?

А у меня схватки. Рожая суррогат или себя? Собственно, кто я? Я из Сибири, значит, во мне – дух Алтая. Я слышу гул шаманского бубна, по которому ударили тридцать лет назад. Золото тени во мне: от своих демонов я не бегу, а пью с ними красное вино и охочусь на суррогатиков.

Потуги. Я пишу, чтобы родить себя без рубашки, без суррогата. Тяжело идет. Неважно, какой мир. Даже матричный заслуживает немного правды. Я плачу. Буквы заканчиваются.

Крик новорожденной.

предисловие

22 – количество рассказов в сборнике. «22» – это роман рассказов – новый жанр, родившийся вместе с поколением Z. Здесь герои вольно гуляют по книге и плетут истории про диджитал-любовь, вино и сюрреализм. Каждый рассказ самобытен и в то же время – завиток в общем рисунке книги. Злободневно, смело, глубоко и символично.

возвращение минервы

Возвратиться в город которого нет – это непросто. Особенно, если ты знаешь, что он должен пахнуть соснами, а перед тобой выжженное поле, с потрескавшейся, как яичная скорлупа, землей. Нужно заново высаживать сосны, либо чиркнув о душу спичкой и спалив себя дотла, полюбить сей разрушительный пейзаж. Пепел к пеплу! Слава Богу, который, кстати, если бы умел плакать, плакал бы дождем, у возвращенки за спиной рюкзак с переносимым. Насобирала за жизнь. На нем как на дрожжах не только сосны вырастут. Может жизнь у нее сызнова вырастет?! Может успеется, хоть и не долго ей осталось жить. Несколько страниц, не больше. Несмотря на свою недолговечность, которую она предчувствует глазом в межбровье (спасибо, йога-практикам), она верит, что все необходимое ей произрастет. Дождь сейчас очень кстати. И не только для роста. Дождь как специальный фильтр для души. Сквозь него все кажется одухотворенным, в смысле преисполненным Бога, который если бы был создан по ее образу и подобию, безусловно, умел бы плакать. Но Бога нет. Ни в этом городе, ни в том, где были сосны. Бога нет ни в одном городе мира. Нет ее одухотворенного подобия, и дождь это не слезы Бога. Поэтому она возвращается из большого города в маленький. Мало того что в нем не осталось ничего от того пахнущего соснами города, так еще ей предстоит доказать, что большой город на самом деле маленький, а маленький – большой. Чтобы было не стыдно, конечно. Мол, столица-то вот она здесь, а не там! Но и это еще не все! Возвращаться, когда не ждут по меньшей мере глупо и по-настоящему неприятно. Возвращаться ни с чем, только с опытом – это комичный сюжет, который становится трагичным, если тебе тридцать. Я откручу божественный фильтр от объектива и дам рассмотреть ее в упор. Первым вы увидите имя ее. Оно стоит на семи буквах – М-И-Н-Е-Р-В-А. Ведь как иначе могут звать женщину, которая принимает ко всему?! Этот город пахнет соснами, другой – финиками, третий – стоптанными подошвами. Наша Минерва – путешественница.

Ведь как иначе могут звать женщину, которая верит, что бог должен быть ее подобием?!

Ведь как иначе могут звать женщину, которая за порядочное количество лет не научилась избавляться от лжи, фальши, зависти и злости, комки которых лепили, когда падал первый снег и швыряли ей за шиворот. Она все собирала в свой рюкзачок и медитировала на свою непохожесть на других и тотальную «плохость». Ведь если Они так говорят, значит она – плохая? Ее, конечно, могли назвать Урсулой или Горгонзой. Но в них много мягкости и вязкости, в то время как в Минерве много крика, борьбы и разочарования. С борьбой все понятно. Когда-то давно-давно, кажется, в позапозапрошлой жизни (хотя я искренне сомневаюсь и сдаюсь мне это выдумки Википедии) Минерва родилась из головы Зевса. Это по меньшей мере непривычно. Обычно голова не представляет собой ничего примечательного (за исключением случаев, когда она украшена пухлыми галочками, раскинувшимися словно крылья диковинной красной птицы). Я про губы! Это ведь понятно?! Иногда этим красным пухлым галочкам удается сесть на ствол какого-то волшебного дерева. И тогда, если голова неприятная и не любопытная к себе, то она счастлива. Минерва была не из таких голов. Ее голова родилась из сложной головы, как в мифе. И эта сложность шла за ней прицепом, да что уж там, волочилась плугом, вспахивая и без того перерытое прошлое. Кажется у автора есть много общего с Минервой. Меня это безусловно страшит, потому как эта история драматическая, и я могу не заснуть. Я могла бы написать этот пассаж по-другому, более приземленно и понятно. Жила-была одинокая. Не сложилось. Вернулась. Но я не люблю писать для кого-то, потому что никого и ничего у меня нет кроме букв, которые пляшут лезгинку, раскраивая монитор пополам. Кстати, вот прямо сейчас пляшут не только буквы, но и чемоданы: маленькие аккуратные ридикюльчики из крокодиловой

кожи, пляшут бокалы с шампанским и груди стюардессы рейса 464 Москва-Екатеринбург, на котором возвращается домой Минерва. Все кругом идет в пляс из-за воздушной ямы. «Жалко, шампанское пролилось. А если разобьемся, то больше не нальют, значит я пила шампанское, возможно, последний раз. Еще жалче и уж точно желчней погибнуть в бизнес-классе. Правда, что пассажиров бизнес-класса эвакуируют в первую очередь? Значит ли это, что нас первыми опознают?». Минерва умная. Минерва строгая. Минерва печальная. Минерва вся сама глубоко в себе. И тут Минерву изгоняют из самой себя простым и непредсказуемым жестом на высоте 10 тыс. м, 9999 м, 9995 м: Он протягивает ей бокал шампанского, потому что стюардесса с пляшущими грудями игнорирует Минерву и обходит стороной. Может она ей завидует? У Минервы ведь грудь побольше и не пляшет. Она утянута дорогим бюстгальтером, который Он (тот парень, что протянул ей бокал) обязательно снимет. Но позже. Минерва испуганная, Минерва смущенная, Минерва скромная берет бокал.

– О-о-о-о, Минерва, это ты! Не обознался. Со спины не узнать. Весь полет на тебя смотрел. Я там позади сажу.

– Михаэль?

Всего лишь двадцать лет прошло, и Он ее узнал. Она ведь за ним мысленно по пятам ходила. Каждый день его любила одинаково. Не больше не меньше. Четко соблюдала любовную диету.

– Ты домой?

– Да, я переехал обратно в наш маленький город. Москва, Верочка, суровая. Детям лучше на просторах уральских.

Те, кто ее боялся или нуждался, называли Минервой. Кто смеялся – Верой Б. Но Верочкой ее никто не называл. Минерва растрогана, Минерва нежна, Минерва течет.

– И я Мишенька, переезжаю.

– Да? Так ты же звезда! Тебе в Москве так хорошо было светить. Тебе Москва была к лицу.

– Почему ты так думаешь? Нет, не рассказывай! Лучше про детей расскажи.

Михаил не хотел говорить про детей. Дети – это ведь предлог для взятия в скобки его несостоятельности и нереализованности в столице. Минерва тоже не хотела говорить про детей. Ведь в ответ она не расскажет о своих неродившихся. Их забрала Москва. Еще не родившихся Москва их присвоила себе и уложила камнями в станциях нового метро. Михаэль жрал глазами Минерву, прогрызая складки ее живота (Минерва красивая, но не во всех местах, что правда то правда!). Он жаждал пробраться к душе, чтобы зачерпнуть ее успех ковшом, который встанет на небо Большой медведицей. А Минерва будет светить малой. По правде сказать, не будет никаких медведиц. Он просто купит звезду, назовет ее Минервой и подарит ей.

– Про детей как-нибудь потом. Я приобретал все, где находил тебя: газеты, журналы, книги.

Минерва не верит, Минерва краснеет, Минерва не знает, что сказать. Нужно было переехать одновременно в большой город, чтобы расстаться на годы и встретиться вновь в небе на пути в маленький город, когда до конца жизни осталась пара страниц.

Их внутренние монологи станут скоро слышны окружающим. Их услышат даже глухонемые. Минерва и Михаэль кричат внутри: «Я ведь ради нее, я ведь ради него». Бога ради эта турбулентность когда-нибудь закончится? Буквы перестают плясать лезгинку и пускаются в чардаш. У меня кружится голова. Минерва пьянеет. Носом течет кровь, пока ее мечта о нем сбывается. О, Михаэль! О, Михаэль!

Маленький город (ну и пусть четвертый по численности населения, все равно маленький), как и подобает дыре, встретил ее дождем со снегом. У мая были повадки февраля: дуть в шею, что есть мочи и пробираться в подмышки. Май оставался верен себе и из года

в год сменял пылкий апрель своей гадостью. Это сравнимо, например, с прерванным половым актом. Минерва и Михаэль неожиданно не разбились, хотя самолет летел буквально из последних волевых. Все-таки скоро ночь и страница заканчивается, пилоту тоже хочется отдохнуть, ворочаясь на слишком мягкой кровати, со слишком любящей женой туда-сюда, раз-два.

Минерва и Михаэль попрощались впопыхах, сдувая с друг друга пылинки воспоминаний. Вот его клетчатая рубашка, застегнутая на все пуговицы и отпущенная борода теснят в ее памяти его слащавый пижонский образ мальчика в костюме с нагеленными волосами. Ее короткие бело-серые волосы цвета почти прозрачного дыма из трубы дачного домика, волосы ее уютные, как осенний копченый туман, в который так приятно кутаться после назойливого лета. Волосы ее короткие не спадут на колючие плечи, с которых съезжает пышная кофта, оголяя (не плечо, нет! Она же скромная наша Минерва) футболку, которая в свою очередь, из последних сил пытается прикрыть ляжку бюстгальтера. Очень дорогого. Все, что близко к сердцу, думает Минерва, должно быть дорогим. Образ ее в свою очередь теснит его воспоминания о ней, как о женщине с рыжими волосами и огнем внутри. Новый образ Минервы говорит ему: «Мальчик, любой смерч уляжется, наевшись чужих желаний». Как капуста, обросла формальностью и официозом наша Минерва. Но он снимет с нее все фальшивые листочки так, чтобы она смогла уложить голову с серо-белыми волосами между его яремной ямкой и солнечным сплетением.

– Приезжай ко мне за город. Мы растопим камин, – говорит Михаэль.

– А сосны есть? – спрашивает Минерва.

– Вокруг дома.

– Тогда жди меня в восемь.

Пилот, что мечтал поспать с женой на одной кровати, приехал домой утром с рейса, закрыл жалюзи, обнял свою женщину и пустился гулять по снам. Когда он открыл глаза, наступил вечер. Он поднял жалюзи и убедился в реальности мира. Все на месте: луна, которую пучит желтизной, звезды, кем-то приколотые к небу, как обычно складывались в созвездия. Вот уже много лет одни и те же созвездия украшают небо, декорации не сменяются, небу наскучило, зрители не аплодируют. Все кроме одно. Он, наш Михаэль задрал голову и глотает свет Ореона. Кадык ходит туда-сюда, как та женщина-жена, ерзающая на пилоте. Михаэль поспал после рейса, поиграл с детьми, сделал все эти бытовые отточенные множеством повторений ритуалы: поцеловать жену, позавтракать с семьей, съездить в магазин за продуктами, подстричься, проводить жену с детьми, которые улетают вечерним рейсом Екатеринбург – Москва на том же самолете, который пилотирует нам уже знакомый гражданин, закрывающий и открывающий жалюзи, как шторы мира, пытаюсь таким образом взять жизнь в свои руки. В два часа дня Михаэль мог еще замечать, что происходит вокруг: ветер швырял капли дождя в лицо, солнце исподтишка выезжало из-за вязаных туч. Ближе к четырем мир с дождем и солнцем рухнул, скошенный ожиданием Михаэля, как спелая рожь острой косой вечно пьяного косаря. Тяжелый и бесноватый воздуха рядом с его домом, окольцованном соснами, принимал угрожающие формы. Воздух вставал в позу, подбоченивался, качал головой, как строгая учительница. Эх, Михаэль-Михаэль, не надо было отпускать Минерву. В восемь Михаэль понял, что она не приедет. Он понял про дрова. Чтобы разогреть их любовь, дров не существует, нет таких дров. Он нанизал все понятие мира друг к другу как бусинки в буддийских четках и поседел. Он курил и курил, прижимаясь спиной к сосне, запрокидывая вверх подбородок, будто пытаюсь донести до Бога свое несогласие с реальностью. В знак протеста он надел разные носки – один зеленый, другой синий – выпил 4 стопки самогонки, прикусил язык и занюхал огненную воду ароматом ее белых волос, который он успел сохранить в своих больших вытянутых ноздрях. Теперь каждый вздох был про нее и о ней, вот только ее рядом не было. Михаэль пустился во все тяжкие.

Прыгнул в свой кабриолет, с открытым не по сезону верхом, подставил горло под ледяные капли. Вода камень точит, а уж его горло тем более, думал Михаэль. Все светофоры улыбались ее зелеными глазами, она стояла в витрине каждого магазина, принимая соблазнительные позы. Минерва пела на всех радиостанциях. Она оставляла след своей маленькой ноги с шестью пальцами на всех перекрестках. А потом в одном из кабаков о ней обмолвились, как об общей знакомой, мол ужасная авария, насмерть, несколько часов назад, ехала в такси, лобовое и скончалась по дороге в больницу. Михаэль снял буддийские четки, на которые нанизал все понятия и начал перебирать их в руке. В дожде больше не было смысла: Михаэль мог плакать. Ее смерть раздули, как ту лягушку, которую взрывают дети. Получился бум. Издательство выпустило посмертно роман рассказов Минервы на 40 день после ее кончины. Михаэль купил его на 41, а на 44 прочел. Начало его нам известно. Но только лишь со слов Михаэля, а как дело обстояло по мнению Минервы расскажут буквы, которые вдоволь налясались. Сейчас они стоят строго в ряд в книге Минервы, которую она дописывала буквально перед выездом к Михаэлю. Они жаждут быть прочитанными:

...Она приехала домой и как всегда оказалась никем не встреченной и не замеченной. Минерва нашла утешение в разборе своих восьми чемоданов. По часу на каждый и вот уже шесть вечера, час на сборы и вот уже время вцепиться за свою мечту зубами и найти языком язык Михаэля, потом уложить язык в яремную ямку и спускаться вниз, исследовать ребра и межреберное пространство и наконец усадить свои губы, как острые крылья алой птицы, на его древо жизни. Так думала Минерва развешивая плиссированные юбки одной модели, но в разном цвете: медь, золото, платина, олово, ртуть, железо. Когда закончились юбки, она принялась за одноцветные сиреневые жакеты: из бархата, шерсти, твида, хлопка. В заключении она разложила белье и чулки по коробочкам с цветами лаванды внутри. Время подбиралось к пяти, Минерва поставила кресло-качалку напротив гардероба, забила вишневый табак в трубку и медитативно проскользила раскосыми глазами по предметам призванным поддержать ее идеальную фигуру и возбудить Михаэля, которого она вспоминала каждый день между одиннадцатью и двенадцатью часами утра с того самого момента, как влюбилась в него первый раз в школе. Потом она влюблялась в него в институте, во время депрессии. Сочиняя свой первый рассказ, она тоже влюблялась в него. Когда она теряла невинность с другим, она не переставала влюбляться в Михаэля. День за днем она влюблялась в него по-разному. И вот наконец он, кажется, влюбился в ответ и все ее влюбленности вдруг осознали, что влюблялись не зря и окрепли и врезались ей в спину крыльями. Как бы их скрыть, думала Минерва. Докурив трубку, она схватила вьетнамский наряд: платье по-колону с разрезами до талии, а под него она надела брюки. Витиеватый орнамент костюма, она верила, привлечет внимание Михаэля, и он не заметит чуть выпирающие крылья. А любить она себя позволит (если позволит, конечно) только в миссионерской позиции. Кукушка выскочила и возвестила о девятнадцати ноль-ноль. Пора-пора, Минерва, не опаздывай, у тебя есть время до полуночи. Когда четыре нуля встанут бок о бок, щекоча друг другу подмышки, орнамент твоего платья превратиться в туман и паутиной повиснет на соснах, окольцовывающих дом Михаэля. Тогда-то твои крылья раскроются ему, и он оседлает тебя как жар-птицу. Спасибо добрая фея-крестная, сказала Минерва и пригубила абсент. Она была поэтична, экспрессивна, символична, сюрреалистична, иммерсивна. Иными словами, как все арт-человечки любила выпить. В начале восьмого она надела ночь на глаза, накрасив их густо тушью и тенями, запрыгнула в желтую кибитку и приказала ехать туда, где еще есть сосны. Оставались минуты, которые грешно было использовать на дорогу, и Минерва достала из косметички 4 помады: красную как артериальная кровь, красную как венозная кровь, красную как морковь, красную как вино. Она попробовала все поочередно и смешанный красный заостенел на ее губах. Вот уже сосны кланчили ее взгляд, посмотри-посмотри на нас, Минерва. Вечер неряшливо и наспех заправлял землю темнотой, как убор-

щица в отеле кровать. Михаэль вышел встречать Минерву у ворот. Как только она подала ему руку с прозрачным запястьем и с его помощью грациозно выплыла из такси, кольцо сосен крепко сомкнулось над их головами. По слухам, которые запустил ветер, протиснувшийся сквозь колючие ветки и поранив свои сытые воздухом щеки, все произошло так как предсказала фея-крестная. Когда стрелки на часах встали вертикально, сомкнули объятия и в миссионерской позиции слились воедино, путая часы и минуты, Минерва к тому времени уже нагая, укрытая лишь кое-где звездами, расправила крылья, которые по цвету сочтались с ее помадой. Михаэль забрался на нее и оседлал. Они поднялись высоко над соснами и унеслись в прошлое быстрее ветра, быстрее света, быстрее мысли. Лишь однажды они появились во сне пилота, который, оказавшись под своей бесноватой женой, от изнеможения и оргазма закрыл глаза. По его словам, которые он прилежно записал перьевой ручкой в бортовом журнале, Михаэлю и Минерве так и не удалось изменить прошлое. Возвращаясь в настоящее, они решили его перепрыгнуть. Сила прыжка была столь велика, что приземлившись они разлетелись в пух и прах и замерли созвездием «Райская птица» в южном полушарии.

Михаэль закрыл посмертно изданный сборник Минервы, причесал свои седые волосы, повторяя шепотом, что прошлого не изменить. Он купил звезду из созвездия «Райской птицы» и назвал ее Минервой. И пусть он видит ее крайне редко, блуждая по горам Чили в Южном полушарии, зато он слышит ее постоянно, стоя под сосной, по ветвям которой спускается грустный ветер, беременный словами Минервы. Он рождает одно и то же слово. Вы его знаете. А если нет, прислушайтесь.

КОНТР-АДМИРАЛ

*Mama, just killed a man,
Put a gun against his head
Pulled my trigger, now he's dead.
Mama, life had just begun
But now I've gone and thrown it all away.
Queen «Bohemian rhapsody»*

Зимние бездельники празднично шатались по дому: с верхних этажей скатывались по лестнице в подвал, били банки с соленьями, потрошили березовые веники. В конце концов они осмелели и по-хозяйски развалились на диване рядом с Вероникой. Она не отодвинулась. Они пробежали мурашками по ее телу. Но снова на этих непрошенных гостей – сумрак и мороз – никто не обратил внимания. «Странный дом, – подумали они, – позвать, что ли, голод и печаль?».

Зима шаркала ветром по крыше, шалила снегопадом, проваливалась в дымоход, гудела там по ночам и будила домашних. Мело неделю. Не выйти из дома. А ей, Веронике, этого и не хотелось. Марышка отбрасывала скудную тень на книжный шкаф. Она растапливала камин. Терпеть холод было невозможно. Дрова задержались: сломалась машина. К черту! Есть кое-что получше.

– Ты, Марышка, разводи не березой, а Фрейдом. Лучше горит. Да и библиотеку нужно подчищать. Больше 200 книг сейчас иметь запрещено, – с сожалением в голосе говорит Вероника.

– Слушаюсь, – отвечает ей Марышка.

Марышка – барышня смышленная и исполнительная. Вот уже восемь лет она помогает Веронике по дому. Но на самом деле чистит она не дом, а душу Вероники. Стирает пыль одиночества, натирает панцирь снобизма до блеска, разглаживает раны и отбеливает тусклые, похожие своей желтизной друг на друга дни.

Звонит телефон Вероники. Играет приятная мелодия:

«Is this the real life?
Is this just fantasy?
Caught in a landslide,
No escape from reality.
Open your eyes,
Look up to the skies and see,
I'm just a poor boy, I need no sympathy.
Because I'm easy come, easy go,
A little high, little low,
Anyway the wind blows, doesn't really matter to me, to me...»¹

Веронике не верится: ей давно никто не звонит. Она нехотя, с опаской берет трубку.

– Я прочитал Ваш рассказ «Контр-адмирал», – льется и обволакивает Веронику голос незнакомца.

– Bravo, господин Икс! – шутливо отвечает Вероника.

– Я – Костя Печора.

Веронике не нравится этот ответ. Ведь Костя Печора – убийца. Или нет?

¹ Queen, Bohemian rhapsody

– Да Вы не бойтесь. Я же сказал, что рассказ мне понравился. Он славный, этот Ваш рассказ.

«Убьет, – подумала Вероника. – А за что? Я ничего такого не написала. Просто навела художественного лоска на историю... Он убийца ведь... Но он же не признал вину!» – мысли лихорадочно палят по вискам Вероники.

– Как-то неожиданно все это... Мне разве есть чего бояться?

– Если встретитесь со мной, то нет. Заеду в шесть. Будьте готовы.

«Не может человек с таким мягким голосом быть опасным. И тем более убийцей быть уж точно не может! Это подстава! Подставили его сволочи эти. А он десять лет отсидел. Надо бы проверить, может, я чего лишнего написала», – думает Вероника.

В доме все еще холодно. Сумрак и мороз дерзко хватают Веронику за коленки. Она отбивается, кутается в шаль и открывает сборник «22». Первое издание 2022 года. Веронике тогда было тридцать лет, на протяжении которых она играла с жизнью в серсо и нанизывала на себя кольца разочарований, зависти, предательства, несчастной любви и ненависти. Хороших колец не осталось. Они достались другому игроку. Тогда, восемь лет назад, Вероника развелась, упаковала все необходимые чувства в чемодан и переселилась в дом, окруженный синими елями, увитый плющом. Летом ему подмигивают анютины глазки, зимой над ним нависает ледяная горка, которую Вероника с Марышкой строят вместе.

Вероника по привычке слянявит тонкую прозрачную подушечку указательного пальца. Потом она вспоминает, что это электронная бумага. Вздыхает. Она опечалена. Страница 56. Под номером 16 идет рассказ «Контр-адмирал». Электронная бумага радует глаз. Она приятная на ощупь, выпуклые буквы светятся. Но жизни в ней нет. Вероника выбирает синий фон и белый цвет шрифта. Мороз и сумрак притихли, уселись рядом, смотрят в книгу, ждут историю. Вероника начинает читать вслух, представляя, что это бумажная книга. Та самая книга! Тот самый первый экземпляр, который украли.

... – Сынок, ты мне скажи правду. Ты убил?

– Папа, не помню я. Драка завязалась. Все вперемешку. И утро резко врезается в мою хмельную голову, – сказал Костя и осунулся.

– Костик, мне надо знать, чтобы помочь тебе! Вспомни, что там произошло.

– Пап, я уже все сказал. Я не виноват.

Контр-адмирал Андрей Печора, отец обвиняемого в убийстве Константина Печоры, вышел из СИЗО, где был заключен его сын. Неровной походкой человека, у которого рухнул мир, он двинулся домой. Шел и думал, что он сделал не так в жизни. Где накосячил? Вроде жил ровно, честно, с совестью дружил, с властью дружил, жену любил, сына любил и даже начал им гордиться с недавних пор. И тут на тебе! Скандал, арест, убийство! Пахнет отставкой, маячит запой. «Не посадят сына, ведь это мой сын! Не посмеют», – думал контр-адмирал Печора, отмеряя 2346 шагов до дома, где его ждала раздавленная, убитая горем вперемешку со стыдом жена Анна.

– Признался? – со всхлипом выдавила из себя она.

– Не признался.

– Да какая ему разница! Ведь скостят срок. Дадут в два раза меньше. Андрей, ты отец, скажи ему!

– Разница есть. Честь, долг, совесть, правда – вот в чем разница между человеком-дерьмом, которым ты хочешь, чтобы был твой сын, и человеком с большой буквы.

– Я хочу, чтобы у моего сына не растворились во мраке камеры и идиотов-убийц десять лет жизни, – наполняя слова болью израненной души матери, грубо ответила Анна.

– Будет. Я позабочусь. Я решу вопрос. Если сядет – будет сидеть хорошо, не с идиотами.

– Мерзавец! И кому нужны теперь твои должности и звания? Я десять лет тебя не видела, пока ты ходил по морям и океанам, сын тебя не видел. И еще не увидит десять лет!..

Вероника откладывает книгу. Идет собираться. Ее уже давно не волнует, как она выглядит. А тут такое дело... Деловая встреча? Свидание? Она попадает на глаза зеркалу. Оно смотрит на Веронику полными скуки глазами, оттененными синяками. Зеркало кидается венами, которые плавают по вискам, впалым щекам, мертвенно-прозрачной шее Вероники. Она зовет Марышку.

– Марьяна, закажи маску.

– Вам какую? – отзывается Марышка и открывает «Амазон».

– Что-то из первой линии: погламурнее, посексуальнее.

– Тут новая коллекция как раз поступила в продажу. «Служебный роман» – это для секса с коллегой, «Хэппи хиппи» – для группового, «Леди Годива» – для соития в общественном месте, «50 оттенков красного» – для грубой любви, «Властелин колец» – это для новых ощущений с мужем, «Розовый фламинго» – для однополый...

– Стоп-стоп... А сейчас маски только для секса носят?

– Вы ведь сказали посексуальнее.

– Не так выразилась. Мне нужна обычная маска, чтобы хорошо выглядеть. А то я на зеркало наткнулась и расстроилась.

– То бишь без гарантий маска? Без секса, любви, дружбы?

– Да, просто чтобы я посвежела, зарумянилась, бровями заиграла, глазами заблестела. Волосы чтобы падали пышными локонами на загорелые плечи.

– Да Вы возьмите мою, я ее всего раз надевала. «Расцветай» называется. Можно не снимать до 12 часов. Минус 5 лет и минус 10 килограмм – это опционально. Посмотрите в инструкции, как настроить. Идеально разглаживает кожу, оттеняет скулы, немного расширяет глаза, отбеливает зубы. Можно выбрать прическу: прямые или кудрявые. Решайте сами.

– Очень щедро, Марышка. Я одолжу на раз.

Ровно в шесть заезжает Костя. Машина дорогая. «Откуда у него деньги, у отсидевшего десять лет зека?» – думает Вероника и садится в авто. Пахнет чайным деревом. «Какой-то ароматизатор? Нет. Это от него пахнет. Что-то земельное, архаичное, вечное, настоящее. Мужественное! По моим подсчетам он должен был выйти полгода назад. А такое впечатление, что вовсе не сидел. Скорее всего, он тоже в маске», – размышляет Вероника, пока они катятся по обледенелой столице.

– Вероника... Ах вот Вы какая, оказывается!

– Какая я, оказывается?

– Цветущая.

«Хорошая маска, – подумала Вероника, – оправдывает название».

– А я читал, что Вы злая, одичалая. А Вы вполне себе человечная.

– И где читали?

– Старые журналы, газеты. Много чего в нашей библиотеке на зоне было.

– Вы хотите, чтобы я поверила, будто Вы читать умеете? – Вероника недоумевает и обижается, что ее держат за дурочку.

– Представьте себе. Научился за десять лет.

– Надо же. Давно не встречала чтецов, – Вероника сомневается.

– Я могу сказать то же самое. Не видел, как читают другие. Покажешь? Почитай про меня рассказ.

– Не знаю. Не могу я. Давно не читала вслух. И как-то нет настроения. А еще закон нарушать не хочется. Знаете ли, моих двух знакомых посадили за чтение в общественном месте.

Он останавливается. Молча, без агрессии, медленно и почти бездушно, безучастно, бесстрастно вцепляется в волосы Вероники.

– Хорошо-хорошо. Не надо нервничать, Константин. Давайте где-то сядем. С вином. Таки Вы убийца? – также отстраненно, с печалью в голосе спрашивает Вероника. Она не боится. Все как в замедленной съемке с актерами – роботами.

– Убийца, убийца. А что это у Вас за ухом? Штрих-код? Вы зачем маску надели? Снимайте немедленно! – Вероника послушно выключает масочное приложение на телефоне и снимает липкую, похожую на марлю маску.

– Так-то лучше. Теперь мы с Вами одного возраста, – говорит Костя.

Едут к нему. Он так захотел. Вероника не спорит с архаичным мужчиной, тем более с убийцей. Тем более в таком потрепанном одиночестве виде ей не комильфо качать права. Она вжимается в кресло его спортивного автомобиля. Улицы с натканными домами в белых шапках проплывают за окном. Деревья лихорадит ветром. Снег долбит в лобовое стекло, как будто хочет ворваться в машину, в тепло, и согреться. Снег ведь тоже, наверное, устал идти, замерз. Сколько лет он идет? Веками, тысячелетиями он укладывает осень спать под свое стеганое одеяло. Снег устал и валится с ног. Вероника тоже устала и приросла спиной с отрубленными крыльями к креслу. Стрелка спидометра взлетает вверх к 180, потом резко опускается, а потом снова дотрагивается до 180.

Заходят в квартиру Кости. Хоромы: мрамор, бархат, дерево, каменные колонны из фуксита, шкуры, бивни. Камин трещит, перебивая тишину холостяцкой квартиры. Старинный комод, а над ним африканская маска.

– Это маска из Танзании. Редкая штучка. Надевали при инициации, – говорит Вероника. – Маски знаю по запаху. Иницирующие пахнут страхом, погребальные – горем, магические – надеждой. Откуда деньги?

– Не твое дело, – обрубает Костя.

– Согласна. Просто любопытно.

– Читай.

Он достает ту самую, первую бумажную книгу. Ту, что украли у Вероники. Замызганную, читанную-перечитанную, с кляксами от вина. Вероника не может не читать. Она будет читать, чего бы ей это ни стоило! Она будет читать до смерти, до рассвета, досыта, до стыда, до печали. Она смотрит на книгу влюбленными глазами. Соленая грусть течет по щекам и опечатывает собой желтые страницы. Грусть Вероники предвосхищает надежду, которая вот-вот отслоится от ядовито-оранжевого заката, пронзающего пыльное небо, и запрыгнет на подоконник вместе с последним лучом негреющего солнца.

– Читай с момента «Константин был душевным парнем...»

...Константин был душевным парнем. Отзывчивым, порядочным, красноречивым. Ему прочили большую карьеру. «Пойдешь по стопам отца», – говорили ему. Он слышал об отце больше, чем видел его. Ведь глаза контр-адмирала Андрея Печоры, обвитые паутиной морщин, были устремлены в морскую даль. Он покорял водные просторы. Жил морем и жил в море двадцать лет, знал море и был познан морем. Вероятно, в его венах текла не кровь, а соленая густая жидкость с самого дна Марианской впадины. «У меня две семьи, – говорил он. – Одна – команда. Вторая – Аня с Костей». Но по факту у него была одна, третья семья: соленая и безмолвная.

Костя окончил военное училище и не без помощи отца был распределен на хороший корабль. Он оказался в компании, где все как на подбор: сын прокурора, внук генерала, племянник предпринимателя. Отпрыски сильных мира сего шли по натопанной дорожке.

Душевность Кости приобрела привкус снобизма. Круг холеных и избалованных товарищей проел его порядочность незаметно, как черви бороздят гриб. Снаружи приятный, Костя начал подгнивать изнутри, будучи заложником странных, на первый взгляд удачных обстоятельств. Его тяготило море, оно никак не хотело заполнять его вены. «Не мое это», – все чаще думал он и пил...

– Остановись! Откуда тебе все это известно? Про червей и глаза, зрящие из Марианской впадины? – спрашивает Костя.

– Немного не так. Глаза просто смотрели вдаль. А вместо крови – вода из Марианской впадины.

– Какая разница...

– Впрочем, да. Никакой! Ведь я это выдумала. И тебя тоже выдумала! – Вероника протягивает руку к его щеке. Трогает. Щекотно. – Хотя нет, ты – настоящий.

– Читай дальше.

...Судно встало в Стамбуле. Команда получила увольнение. Но экзотика не манила Костю. Вот уже второй день Костя в компании сына прокурора и внука генерала играли в карты, потягивая вино в каюте Кости. Напившись и наигравшись, они стали орать песни «Ленинграда». Пришел дневальный Генка, младший офицер, который присматривал за порядком на корабле, и сделал замечание. Плевать они на него хотели. Стали орать еще громче. Генка, сын матери-одиночки, затюканный и боязливый, пошел второй раз делать замечание. Долг есть долг. Он обвел взглядом бесшабашную, омерзительную компашку и окоченел от злости на себя и на жизнь. Он сделал второе и, как оказалось, последнее свое замечание. Первым выступил сын прокурора, за ним – не менее борзый внук генерала, а поддержал компанию Костя. Никто не помышлял об убийстве, просто помахали кулаками по пьяни. Но, как это бывает, подвернулся угол стола, о который зацепился висок дневального Генки. Моментальная смерть. Вроде никто не виноват – и все виноваты одновременно. Компания быстро отрезвела, и решили по-взрослому – камень, ножницы, бумага. Косте не повезло. Костя – слабое звено. Вот так вино в сочетании с нелепостью рубит под самый корень жизнь...

– Маленькая поправка, – перебивает Веронику Костя, – моя жизнь только началась в тюрьме.

– И чем Вы там занимались?

– Ума набирался. Как вино?

– Хорошее. Благородное. Ненавязчивое. Знает свою роль.

– А у Вас какая роль?

– Сыграть на струнах души. Спеть вместе с сердцем. Облагородить нутро. Так что там произошло? – тихо спрашивает Вероника.

– Имеет ли это значение?

– А как же!

– Ну раз так... Я действительно оказался слабым звеном. Вернее, мой отец. Мы долго торговались. В итоге, 50% до и 50% после срока.

– Так вот откуда мрамор и машина...

– Если бы я не сел, я бы не научился читать. Сколько всего я узнал! Вы думаете, на свободе свободны? Нет! Свободны там, за проволокой. Огромная библиотека, профессора из ведущих университетов мира читали нам лекции. То, что не востребовано снаружи, сбавривали нам, зекам.

– Неплохо.

– И плохо одновременно. Я вышел, и я одинок.

– Теперь нет. У Вас есть чтец.

– Приходите завтра. Будем опять читать, – Костя волнуется и думает, как бы гостья не осталась. Ведь он забыл, как это...

– Да я и не думала оставаться. Вот только книгу свою заберу, – успокаивает его Вероника, которая тоже забыла, как это...

«Прогнал? Испугался? А я бы разве осталась? – размышляет Вероника, закрывая за собой дверь. Где-то внутри, на окраине души, у нее зародилась обида. Та самая обида, которая встречается осенью, когда приходит чувство, что лето, а иногда и вся жизнь прожиты зря. Не самозабвенно... Не как в последний раз. Осенью обижаются все: люди, листья, земля, солнце, которое пыжится и из последних сил пытается казаться теплым. Но сентябрь берет свое и гонит лето прочь, бьет хлестким ветром, топчет дождем. Земля на даче изрешечена груздями. Повывлезали прямо на участке. Ждут соли, мозолят глаза. Совсем близко с реки ползет ночь, огибая камни, рассыпанные по дороге. Береза, соблазняя своей стройностью и утонченностью, медленно раздевается под музыку огрубевшего осеннего ветра. Я пью вино, наблюдая за осенними метаморфозами, и думаю о своей роли в этом рассказе, перечитывая его в той самой книге, в первом экземпляре. Ведь я и есть автор. Когда я услышала историю семьи Печоры, внезапно разрушенной глупостью, мои ноги подкосились, тревога заключила меня в кокон. Что же было на самом деле, когда Костю посадили? Его отец, контр-адмирал, ушел в запой. Его уволили. Потом он умер. Но перед этим сделал как обещал жене: Костя сидел хорошо. Скорее всего, он не коротал будни в библиотеке, выдуманной мной. Вряд ли к нему приезжали профессора Сорбонны читать лекции, что тоже было плодом моего воображения. В этом ли заключается моя роль: уложить историю в черные буквы на подушку из фантазии, накрыть одеялом, стеганным счастливым финалом?! Секундочку, звонят, нужно ответить...

– Алло.

– Это Минерва?

– Да.

– Это Костя Печора.

лесной рыцарь

– Я устала.

– Я тоже устал.

– Нет, ты посмотри, где кризис-то? – Вера потихонечку доставала пилу, заточенную завистью и злостью для невозмутимого Марка.

– Где-где? У нас кризис!

– Ты о чем?! – спросила Вера ядовито, как сучка из какого-то старого французского фильма. Она затягивалась вишневым ричмондом и запивала дым ред буллом. Острые стрелки, густые румяна. Все как положено, чтобы замаскировать бессонную ночь, в которой Вера плакала и слезами своими преследовала точеную Луну. Бежала по небу в одной ночной рубашке, запинаясь, падала, потом снова вставала и вперед за Луной пока не настало утро.

Сентябрь шалил то дождем, то назойливым солнцем, пытаясь запутать москвичей и завуалировать наступление зимы. Москвичи ждали бабье лето и закупили шашлык, вино, звали друзей с гитарой и срывались аж в четверг на дачу. Вера и Марк, которые были не сказать чтобы очень дружелюбными, попали в эту дачную кутерьму. Марик, к сожалению, играл на гитаре, а Вера, к несчастью, довольно неплохо пела. Выпивая, она добрела, играла в «Двадцать одно», иногда раскладывала Таро по просьбам незамужних подружек, которых приглашали на дачу, чтобы поучить жизни и потешить свое самолюбие.

– В наших головах кризис, вот о чем я! – Марк перешел на крик и резко затормозил. – Ты бы попрердержала коней своих вороных, пока мы не въехали куда не надо!

– Надо – не надо! Мы – это кто? – спросила Вера, продолжая играть роль сучки из какого-то старого французского фильма.

– Мы немцы!

Марк загрустил, а когда он грустил, он говорил умные вещи. Грустил же он каждые выходные, проведенные со своей женой. Будни он коротал в самолетах и xls-таблицах, поэтому был избавлен от разъяренной Верки.

– Вот и я думаю, что ты нем и слеп! Нет, я не понимаю, откуда деньги-то? В июне в Тайланд, в июле в Париж, в августе в Сочи! Смотрю «Инстаграм», там все куда-то летают, влюбленные. Где-то пьют вино, едят устриц!

– Вер, а ты не смотри. Удали приложение к чертовой матери и успокойся!

– Но я же знаю, что они там были!

– Это фотошоп, Вер! Ты в Бога не веришь, а в «Инстаграм» веришь? – Марк говорил сквозь улыбку, сдерживался, чтобы не засмеяться. Он хоть и ненавидел Веру, но считал ее потешной. – А кстати, ты чему завидуешь? Парижу ли? Или влюбленности?

– Ба, вот тебе на, как мы заговорили! Понравилось в Самаре? Кого-то нашел там, что ли?

– Да, понравилось. А еще понравилось в Якутске, Волгограде, Алма-Аты. Во всех трех городах, в которых я побывал за прошлую неделю. Знаешь почему? Там не было тебя!

– Останови машину. Немедленно! – процедила Вера, переставая играть роль сучки из какого-то французского фильма и становясь обычной обиженной женщиной.

– Легко! Прокурила мне всю душу! Тут недалеко. Дорогу знаешь, дойдешь!

Вера выскочила, хлопнула дверью. Марик дал газу. Уютный лес, обрамляющий зелено-желтым ковром дорогу, приглашал Веру в гости. «Поплачу вдоволь, покричу, повою. Никто не услышит», – подумала Вера и спустилась по тропинке в низину. Она села на пенек и закурила. Плакать и курить одновременно не получалось. Сигарета тлела без толку, а Вера сеяла

слезы в сухую траву. Она знала, что Марик изменял ей. В каждом городе находил короткую юбочку и жаловался на жену-мегеру. А в конце, чтобы наверняка, говорил: «Хорошо, что детей нет. Уйду!». Эдакий контрольный выстрел! Вера не считала, что отсутствие детей – это хорошо. Но надежду уже давно потеряла: не вышло с детьми, как они ни старались. Вера завидовала Шаховым – Мирославе и Сергею. У них была двойня. Это к ним они ехали на дачу, к своим лучшим друзьям. Она завидовала сторожу Игорю, который охранял дачу Шаховых. У него было два мальчика. Вера тоже изменяла Марку и тоже говорила плохие вещи. Про детей молчала, язык не поворачивался. Уходить она тоже не собиралась и не играла с этим словом. Интересно, догадывался ли Марик?

Марк не догадывался, он знал всю ее обслуживающую свиту: сантехник Слава, компьютерщик Виктор, спорт Сережа... Он не ревновал, не обижался, он был равнодушен. «Дашь на дашь», – думал он. Как это ни странно Марик все еще любил Веру и корил себя за то, что накричал на нее впустую. Она ведь была права про Самару. А еще он знал, что она знает все. Почему бы им наконец не поговорить? Он развернулся и поехал обратно за Верой. Ее не было у обочины. Он спустился по тропинке в лес, увидел тлеющую сигарету у пенька, но жену не застал. «Ладно. Попсихует и вернется. Ничего. Куда она денется, километра два, не больше... Доберется. Взрослая девочка уже!».

Вера тем временем шла вглубь леса. «Прогуляюсь, продышусь, пока светло. А то приду заплаканная, начнут спрашивать и того гляди заставят пить больше. Разведенки атакуют, а это не дай Боже», – думала Вера.

«Ну что, все у вас с Костиком? Изменил?» – спросят они, мечтая об утвердительном ответе. И тогда Вера рассмеется, поправит волосы своей правой рукой, на которой красуются часы с бриллиантами и про себя подумает: «Мне Марик изменяет уже лет пять, а я ему – лет десять. Но мы не разведемся, потому что он разорится на алиментах... А еще я люблю наш загородный дом. Помните? Вы там были и пили коллекционное калифорнийское вино. Разбили стеклянный стол, который стоит столько же, сколько ваши замкадышные квартирки». Сказать это вслух она постесняется. Но она напишет об этом в своем новом романе.

Сухая трава постепенно, шаг за шагом превращалась в тягучий мох. Он таял под ногами Веры. Поначалу редкий лес густел, и ветки смыкались над ее головой. Осеннее усталое, но все еще греющее солнце резало тугое полотно леса, просачивалось сквозь черные косы деревьев все реже и реже. И вот уже тишина и мгла намертво вцепились в Веру: лезли в кроссовки, тянули за молнию олимпийки, срывали резинку для волос. Лес игра как мог, как умел. «Наверное, этот мох никогда не видел солнца», – подумала она. Вера не испугалась этой безмолвной мглы, а наоборот, прибодрилась. «Так же, как у меня на душе: мрачно и глухо», – подумала она. Дорогу ей перегородило дерево. Поваленное давным-давно, оно бесстыдно оголяло нутро – смачные многолетние корни, хитросплетенные как дни шляхонистой блондинки, которой когда-то была Вера, вернее Вера Б. Она с завистью вспоминала то время. Тогда, ей казалось, мощные корни ее позволяли стоять крепко на ногах, быть уверенной, не плакать и не жалеть себя. Она перешагнула дерево, и трясина заглотила ногу по колено. «Вот черт! Можно было догадаться. Влажность. Болото!». Она присела на ствол поваленного дерева и вытянула ногу из зеленой каши. Тропинка обрывалась. Вера пошла обратно. Лес повернулся к ней другой стороной. Неповторимый и могучий, он кидал под ее ноги тонкие чешуйчатые шишки, обрамлял тропинку папоротником, усаживал на деревья белочек, подбрасывал под ноги мухоморы. «Хм... Вроде бы та же тропинка. А вовсе не было этого дерева, да и мухоморчики красные не попадались...». По своему внутреннему ощущению времени Вера должна была уже вернуться на дорогу, но лес не заканчивался, а рьяно хвастался своими красотами: все еще сочная зелень переливалась, играя с меткими лучами солнца, мох вышивал изящное кружево на камнях, пение птиц складывалось во что-то знакомое, щемящее, родное. «Заблудилась. Надо звонить». Вера достала телефон.

Не ловит. Зачем-то открыла карту. Работает исправно. Справа на карте какой-то объект: Дом егеря, 200 м. Вера подумала, что там наверняка должна быть связь, да и сам егерь поможет выйти на дорогу. Она повернула направо и через несколько минут оказалась около домика. «Кукольный», – подумала она. Крыша из красной черепицы, кое-где потрескавшаяся. Дым валит из трубы, подсказывая, что на дворе все-таки осень. Последние лучи солнца бегают по фасаду дома, кучкуются у окон. Веру будто ждали, и дверь сама отворилась. Перед ней в дверном проеме стоял рыжий карлик с длинной огненной бородой.

– Здравствуйте, сударыня. Я – Анатолий Матвеевич. Местный егерь. Долго же Вы шли ко мне.

– Добрый вечер. Вера Михайловна, филолог. А как Вы догадались, что я к Вам шла?

– Ну я же егерь! Мне птичка нашептала. Ветерок подтвердил, мол, гуляет по лесу молодая красивая женщина. Одна!

«Ну все, вот тебе и бессонные ночи. Здравствуй, психоз», – заволновалась Вера.

– Да Вы не пугайтесь так. Не переживайте. Ну да, карлик я. А что, карлик не может быть егерем? Не птичка и не ветерок, а техника! Мы в каком веке? У меня камеры по всему лесу стоят. Это программа такая правительственная, охотимся повсеместно за браконьерами.

– А-а-а, вот оно что, – у Веры отлегло.

– Проходите, милости просим, садитесь у печки. Я Вас чаем напою. А потом к дороге выведу. Тут идти-то пятнадцать минут, не больше.

– А Вы зачем печь топите в сентябре? Рано еще. Тепло!

– Какое тепло, дамочка! Зима на носу! Уже снег срывается.

– Как снег?

– Ну Вы сами посмотрите!

Вера повернула голову. Окно закрывала кружевная сиреневая занавесочка. Она отодвинула ее аккуратно. Почти бесцветные, тонкие, как паутинка, редкие хлопья снега срывались с внезапно потускневшего, превратившегося из друга по враги, налившегося свинцом неба.

– Да не волнуйтесь Вы! В лесу и не такое бывает. С утра лето, вечером зима. Лес – он ведь непредсказуемый, самобытный. Хочет – смеется лучами солнца, хочет – плачет дождем и спит, засыпаемый снегом. Что Вас привело в лес, сударыня?

– Да ничего особенного.

– Как это? Особенную женщину ничего особенного в лес не приводит!

– А почему Вы думаете, что я особенная?

– Я Ваш рассказ читал, Вера Михайловна. Про Фросю, которая писала письма с фронта. Это ведь про вашу бабушку?

– Верно.

Карлик сидел на стуле. Качал короткими ножками и пил чай из блюдца, закусывая сушкой. Кукольный снаружи, домик был таким же кукольным внутри. Старинные часы с маятником, небольшая печка, справа от нее на стене – икона Божьей матери, а слева – шаманский бубен. Перед печкой диван, на котором они сидели, и небольшой журнальный столик, сделанный из пенька. Ветхий старенький ковер, красный, с цветами и ромбами. В углу комнаты – рабочий стол и монитор, показывающий попеременно разные участки леса. «Правительственная программа, все ясно», – вспомнила Яна. Рядом со столом – крутая лестница наверх. На поручне красуется горгулья. Бум-бум-бум. Семь вечера возвестили часы с маятником. «Наверное, меня уже ждут. Да нет, не ждут, радуются, что Костик один приехал, без своей мегеры», – подумала Яна.

– А чего плачем-то?

– Из-за личной жизни.

– А все, Верочка, из-за личной жизни плачут. Что конкретно не заладилось?

– Детей у нас с мужем нет.

– А сколько вам, Верочка, лет?

– 30.

– Шикарный возраст! Я в свои 30 только окончил институт культуры. А потом все закрутилось, встретил Томочку. И вот уже тридцать лет и пятеро детей.

– А где же Ваша Томочка?

– Она за грибами пошла. Она тоже гулять по лесу одна любит. А Вы так не смотрите на меня, Верочка Михайловна, с недоверием. Да, я карлик, но не страдаю. Не комплекую. Дышу полной грудью и радуюсь жизни! – Анатолий Матвеевич подмигнул. – Так что, Верочка, не огорчайтесь, и у Вас все будет. Я точно знаю! – карлик-егерь подмигнул второй раз.

– Я мужа не люблю.

– Ну, велика беда! Это потому, что Вы вина с ним мало пьете. Вы бокалы побольше купите, налейте доверху – и до дна! Залпом: хрясь! А потом посмотрите на него повнимательнее. И скажите все, что думаете. Откройте душу. Он же родной Вам человек. Сколько Вы с ним?

– Десять лет!

– И думаете, не любите? Десять лет прожили – и не любите? Да конечно любите! Еще как! Просто избаловались, подустали, потеряли контакт. Надо его восстанавливать. Зачем же сдаваться на полпути!

– Он меня тоже не любит. Просто не решился пока бросить.

– Как же Вас, Верочка Михайловна, можно не любить? Такую умную, интеллигентную, красивую, с фигурой, да еще и не пьющую? Любит сильно, просто забыл. Вы ему напомните. Купите два больших бокала вина...

– Да-да, я поняла. Налить доверху, до краев, и хрясь! – перебила карлика-егеря Вера.

– Быстро учитесь. И помните: тот, кто любит, не завидует! Вы, кстати, давно не писали. Про меня напишите, пожалуйста, в своем новом рассказе. Мне приятно будет.

Анатолий Матвеевич прыгнул со стула, галантно протянул Вере руку и сопроводил ее до дороги.

– Ну вот, Верочка, почти пришли. Вам только подняться по тропинке, и Вы у дороги. Мне тяжело в горку, ведь не мальчик.

– Спасибо Вам, Анатолий Матвеевич. За все спасибо!

На обочине стоял джип Марика. Он прислонился к бамперу и курил. Когда увидел Веру, выбросил сигарету и побежал к ней.

– Ты где была, Вер? – спросил он взволновано. – Замерзла? Дождь такой зарядил! Я уже второй раз сюда мотаюсь.

– Я просто заблудилась... Разве снега не было?

– Какой снег?! Говорю же, дождь как из ведра. А ты и не промокла. Ну, прыгай в машину. Все тебя заждались.

– Ну уж прям все...

– Ладно тебе злиться.

Дача встретила шашлыком и вином. Рассказ Веры о карлике-егере и браконьерах привлек всеобщее внимание. Вот только ей никто не поверил. Нет, говорят, в наших краях никакого егеря и браконьеров нет. Сказочница Вы, Вера! Но про егеря обязательно напишите и про снег в сентябре напишите непременно.

Сидели у мангала. Пили вино. Вера налила, как ее научил Леонид Матвеевич, полный бокал, выпила и посмотрела на Марика пристально.

– Соскучилась я, Маркуша. Ой как соскучилась по тебе.

Марк не ответил. Молчал долго и смотрел на нее в упор своими грустными, уставшими глазами. Потом взял гитару и запел:

«Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в степи сосна,
Словно в году весна.
Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Ни за туманами,
Дальними странами.

В инее провода,
В сумерках города.
Вот и взошла звезда,
Чтобы светить всегда,
Чтобы гореть в метель,
Чтобы стелить постель,
Чтобы качать всю ночь
У колыбели дочь.

Вот поворот какой
Делается с рекой.
Можешь отнять покой,
Можешь махнуть рукой,
Можешь отдать долги,
Можешь любить других,
Можешь совсем уйти,
Только свети, свети!»²

² Ю. Визбор

осетр для деда толи

Тишина спускается с третьего этажа большого деревянного дома и усаживается на левое плечо деда Анатолия. Тишина дует деду в бороду и говорит: «Ну, Толя, одни мы с тобой остались. Ан нет! Сестричка моя Меланхолия скоро приедет. Пойдем стол накрывать».

Дед Анатолий, пошаркивая вялыми, проходившими всю жизнь ногами, плетется в зал. Из серванта цвета охры он достает графинчик и пару стопочек. Дед Анатолий уныл и печален. Маятник настенных старинных часов покачивается, пытаюсь порвать пустоту и одиночество деда Толи. Но это невозможно, дед Анатолий вдовец. Вспоминая это, он убирает вторую стопочку, которая предназначалась для Томочки. Она не вернется, она лежит глубоко в тесном деревянном домике, в шершавой, губчатой земле особого, ни с чем не сравнимого запаха. А какой это запах? Земля пахнет правдой и добродетелью. «А правда одна, – думает дед Анатолий – Все мы там будем». И опрокидывает стопочку наливки из смородины, которую еще недавно приготовила Тома. Маятник бесполезно плавает по пропитанной горем комнате. Для деда Толи время умерло вместе с Томочкой, по крайней мере, настоящее и будущее. Дед Анатолий опрокидывает вторую стопочку и вот уже слышит шаги пышной Томи, которая шелестит платьем в сиреневый цветочек и входит в зал, румяная, с подносом в руках.

– А ты посмотри, Толенька, каков осетр! А тесто какое вышло! Не нарадуюсь!

– Дык, кто хозяйка, Толик?! У тебя все горит, все спорится. Что тут сказать – стряпуха ты знатная у меня! Сережка звонил. Скоро будет.

– Ну все, пойду чаек ставить.

Вот и сейчас звонит Сережа и отвлекает деда от целительных воспоминаний. Сережа – это сын Тамары, второй, уже бывшей жены деда Анатолия.

– Анатолий Матвеевич, Вы как?

– Херово, Сережа.

– Ясно, – не обращая особого внимания на реплику деда Анатолия, говорит Сережа. Он слышит это не в первый раз, поэтому не пытается поддержать отчима. Привык. – Что-то нужно из продуктов? Может, колбаски, молока, хлеба привезти? Мы бы с Мирославой подъехали, проведали бы Вас. А то все один. Надо выходить, выбираться из этого.

– Ничего мне, Сережка, не надо. И выбираться я буду только к Томе.

– Анатолий Матвеевич, я это слышал уже. Я ведь сам мать потерял. Мне тоже плохо.

«Ну вот, сейчас начнет про дом говорить... И месяца не прошло...».

– Дайте мне одному побыть, я горевать хочу, вспоминать хочу, дышать хочу запахом дома, который еще помнит Тому.

– Понял. Про дом мы поговорим позже.

«Продадут, сволочи! А ведь мать не хотела. Для них берегла: для детей и внуков», – думает дед Анатолий и утирает маленькую, хрупкую слезинку, внезапно, но гордо спустившуюся по бесцветным ресницам.

Осетра, из которого Тома сделала пирог, поймал Анатолий. Килограммов 10, не меньше. И икра такая жирная была, крупная. Это он Тому в день рождения решил порадовать. Она икру сильно любила, закусывала ей. Ах, как она это делала! К столу всегда опрятная, благоухающая садилась: накрутит бигуди, наденет яхонтовые сережки, которые ей Толя подарил, покрасит губы рыжей помадой и капельку «Шанель №5» нанесет. Одним словом, целый ритуал. Потом нальет настоечку и тост первая говорит: «Ну что, Толенька, здравы будем – не помрем». Обманула ведь! Умерла. Так глупо вышло. Далась ей эта капуста! Столько капусты за жизнь было съедено, помидоров этих с огурцами, кинзы, мяты... Тома жить не могла без огорода. Анатолий первое время ревновал, а потом понял, что ее

привычка сильнее. «Пусть копается, зато настроение хорошее и занята всегда», – думал Толя и улыбался сам себе, будто раскусил ее, будто прощал эти старомодные замашки. Вот и докопалась, досолилась своей капустой!

– Что-то, Толенька, у меня мошки перед глазами и голова такая тяжелая.

– Томик, ты приляг, я сейчас давление измерю.

Не успел Анатолий. Прилегла Тома и тихонько отошла. Даже ничего не успела сказать.

А у него только вторая жизнь началась, второе дыхание открылось, и задышалось во всю грудь, глубоко так задышалось, жадно, с остервенением, с любопытством. Он осетров Томе не случайно дарил. Осетр – рыба судьбоносная. И если бы не осетр, помер бы Анатолий, скукожился бы от предательства. Но обо всем по порядку. История эта не простая, а извилистая, многослойная, завораживающая своими хитросплетениями. Эта история про надежду и любовь на склоне лет.

Анатолий, крепкий и статный снаружи, был хрупок душой и воспитан в строгости. Он знал четко, что такое хорошо, а что такое плохо. С моралью был на ты. Семья – святое! Жена – одна и навсегда! Работа – стабильная, чтобы кормить семью! Друзья – надежные! Дети – любимые! Дом – уютный и теплый! А тут Танька, бес ее попутал, все его моральные выкладки перемешала.

– Толя, не могу я так больше.

– Как «так», кисонька? Ты о чем?

– Киса-кисонька... Не люблю я тебя, не твоя я кисонька!

– А чья?

– Костина.

– Ну и пиздуй к своему Костику, – заключил Анатолий и удивился своим словам. Мораль трещала по швам, жизненные принципы с визгом разлетались в сторону под ударом плетки под названием «измена». Толя сам ушел, вернее, уплыл. Собрал рюкзак с консервами и водкой, купил лодку, сел в Ленске, где прожил всю свою 45-летнюю жизнь, и поплыл куда глаза глядят. Плыл и плакал, а на него тарасились равнодушные Ленские столбы. Все думали: погорюет, консервы закончатся – и он вернется. Дед Анатолий тоже так думал. И сам удивился, когда начал ловить рыбу на самодельную удочку. «Вот ведь какой рукастый», – думал дед Толя, тогда еще вовсе не дед, а, скажем, дядя Толя, потроша осетра. Счет дням потерялся. Они стали текучими и волнительными, как воды могучей и своенравной Лены. День на воде, ночь на траве под шипение и моргание костерка. Встанет утром Анатолий, наденет выстиранную тельняшку, натянет резиновые сапожищи – и снова в путь куда глаза глядят. А глаза глядели ясно, без слез. Они жадно искали светлое будущее, сдобренное моралью и правдой. «Вот ты, осетр, плывешь и не ведаешь, куда плывешь. И тебе все равно, куда ты приплывешь. А мне не все равно. Я счастья хочу и правды, чтобы все было как положено, без херни!» – обратился однажды к пойманной рыбе изможденный плаванием и туманным будущим Анатолий.

– А ты, Толик, не руби так с плеча. Я плыву по зову сердца, и мне не все равно, где я окажусь, – отозвался осетр и свел свои стеклянные глаза в одну точку.

Дед Анатолий, тогда еще не дед вовсе, а мужчина среднего возраста, обомлел. Водка, ясное дело, закончилась в первую неделю сплава. Этот факт Толик вспомнил сразу. Вспомнил и огорчился. «Значит, не водяра. Значит, крыша поехала. Херово».

– Да не поехала крыша. Нормально все, Толян, – продолжал осетр, все еще сводя глаза в одну точку.

– А Вы говорящая рыбка, я так понял? – боязливо прошептал Толя.

– Говорящая, говорящая. Почти золотая. И как это ни пошло, исполню любое твое желание, если отпустишь меня.

– Е-мое, как в сказке! Вот ведь, а! – Толик повеселел. Потому как желание у него имелось. – Хочу, чтоб нормально все было, как положено. Счастье чтобы было с бабой новой! – вот так, по-простому, по-честному, по-свойски попросил Анатолий.

– Ты, Анатолий Алексеевич, слушай меня внимательно. Доплывешь до Якутска и пойдешь в город на базар, шестой ряд, тринадцатое место. Тебе мяса надо прикупить, а то ты сам в рыбу превратишься, столько ты ее ешь! И будет тебе баба!

Сказано – сделано. Идет он по базару и покачивается: непривычно Анатолию ступать на плотную, неподвижную землю. Подходит к прилавку с мясом, а там Тома с накрашенными оранжевой помадой губами стоит и баранью голову кому-то предлагает: «Берите голову, не пожалеете, наваристая, самое то, самый аккурат в суп!»

«Стало быть, вот она, моя женщина!» – подумал Толя и купил баранью голову. Хотел красиво, по-барски заявить о себе. А с бараньей головой и в ресторан можно позвать. Он и позвал. Угощал ее водочкой и салатиком, а на горячее котлету по-киевски заказали. Он и про сплав свой рассказал, про столбы Ленские, пучеглазые. Короче, обаял ее своим героизмом и мужеством, которые в наше время измельчали до уровня «прикрутить лампочку, вынести мусор и открыть дверь машины». Она его в гости, конечно, пригласила. Так он и остался у Тома. Прожили вместе пятнадцать лет. Анатолий торговал рыбой, Тома – мясом. Натрговали они на дом, и Тома с головой ушла в огород. А дальше известно что произошло – инсульт.

Меланхолия, тишина и дед Анатолий сидят и тоскуют по Томе. Часы бестолково показывают никому не нужное время. «Как жить дальше? Для чего?» – эти вопросы не покидают ни на секунду седую голову деда Анатолия, закручиваясь в клубок липких, тухлых, жутких, безысходных мыслей. А действительно, как ему жить дальше? Какое может быть «Дальше», когда некуда ступить без нее, только плыть можно без нее. Плыть и плакать. Дед Анатолий натягивает резиновые сапоги, камуфляжную куртку и идет ловить рыбу.

«Ну, что молчишь, рыбка? Куда ж ты меня привела? Давай еще желание? Ну же! Последнее давай!» – умоляет Толенька безмолвного осетра со стеклянными глазами. И только ели танцуют с ветром, и Лена облизывает песчаный берег, и гроза грозит Толику: «Не играй. Иди восвояси. Живи себе потихоньку». А дед Анатолий не хочет потихоньку, он хочет во всю грудь дышать, с остервенением, с любопытством, чтобы все правильно было, без херни, чтобы Толик шуршала своим платьем в сиреневый цветочек и пекла пироги. Возвращается дед Анатолий с ведром осетров в свой деревянный трехэтажный дом. И думает: «Не отдам. Останусь. Мое это и Томкино». Выходит в огород. Кое-где на земле еще читаются следы Тамары. Он ложится рядом с ними, прикладывает щеку к земле, а по ней бежит слеза, жгучая, из самого сердца. Дед Анатолий лежит и плачет: горько, неистово из самых недр души, но он уже знает, как жить дальше. Он сорвет на огороде укроп, петрушку, лук. Поставит тесто на ночь. Оно вздуется, и станет радостнее на душе Анатолия. «Как у Томика тесто пышное вышло», – подумает Толя и улыбнется. Тишина слезет с его плеча и поднимется на третий этаж, когда Анатолий включит радио. Меланхолия пойдет собирать чемодан, потому как наливка закончилась. Дед Анатолий досолит капусту, которую приготовила Тома. Она ведь так любила пирожки с капустой и щи...

ТИНДЕРЛАНДИЯ

– Привет. Мирослава, 29 лет.

– Привет. Сережа, 32 года.

Сережка вел свой Туарег и одной рукой переписывался на сайте знакомств. «Ничего такая, эта Мирослава. Имя то-какое... Интересно, а ее настоящий цвет волос действительно рыжий? По ходу, крашенная. Ну ладно. Выглядит-то натурально». Сережка был хорошим парнем, вот только Туарег не новый. Но зато в отличном состоянии.

– Ты здесь зачем? – написал Сережка.

– Я мужа ищу. А ты?

Серега обрадовался и начал было набирать текст, что вот он, собственной персоной, самый лучший муж, и отношений он хочет серьезных, без осечек и баловства. Он жаждет совершить резвый прыжок в теплый водоворот нежности и ласки семейной жизни, лишь изредка разбавляемый холодными потоками непонимания, сопровождаемого страстным битьем посуды... Но загорелся зеленый, пришлось отвлечься.

– Шутка. Я так шучу, – написала через минуту Мирослава, так и не дождавшись ответа.

«Ну вот. Опять про секс. Жаль», – подумал Сережка. Ему бы очень хотелось стать мужем и отцом. Он хоть и не достиг чего-то там, о чем все мечтают, но был мужественным и ответственным, хотел сына и чтобы все было хорошо, без обмана, без фальши.

– Опасно шутишь, – написал Сережка от обиды.

«Ну вот. Как обычно. Опять про секс», – подумала Мирослава.

– Ничего я не ищу. Я понравиться хочу, – продолжил Сережка. «Только бы не упустить ее. И фигура хорошая. Даже очень. Хоть секс будет, и то хорошо», – думал Сергей.

– Ха-ха-ха. Нравишься ты мне. Вино будем пить? – предложила Мирослава.

«Вот это да, бойкая девчонка! И в сексе, наверное, рулит... Блин, где же пробка?!» Зеленый свет подмигивал Сереге, и свободная дорога не давала переписываться вдоволь. Он припарковался.

– Сегодня? Ты во сколько освободишься?

Пятница была на руку! Пятница была кстати. «Блин, приличный ресторан уже не заказать. А если не даст? А чего ей давать на первом свидании? Лучше тогда в кафе. Фу, что за меркантилизм?» – Серега возбудился при мысли о предстоящем вечере, но разочаровался от своего скептицизма, хоть и пропитанного тридцатилетним опытом.

– Сегодня, наверное, не получится, – Мирослава решила поиграть. Сразу соглашаться – моветон. Она эти сайты перешерстила вдоль и поперек и разработала свою стратегию. Но что-то не складывалось. То робкие, то самовлюбленные, то психопаты, то задроты, то женатики попадались ей. Нормальный мужик все никак не шел. «Где ж ты бродишь, мужчина? Настоящий полковник», – пела Пугачева, а ей подпевала Мирослава. Она тоже была за рулем и ехала в салон красоты. «Классно. Укладка будет кстати. Повезло». Мирослава думала, какую прическу ей сделать: кудри или вытянуть волосы. С вытянутыми она казалась себе более серьезной, а с кудрявыми – более игривой, этакой соблазнительницей. «Буду соблазнять. Секса охота – капец!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.